

Французский оперный букет

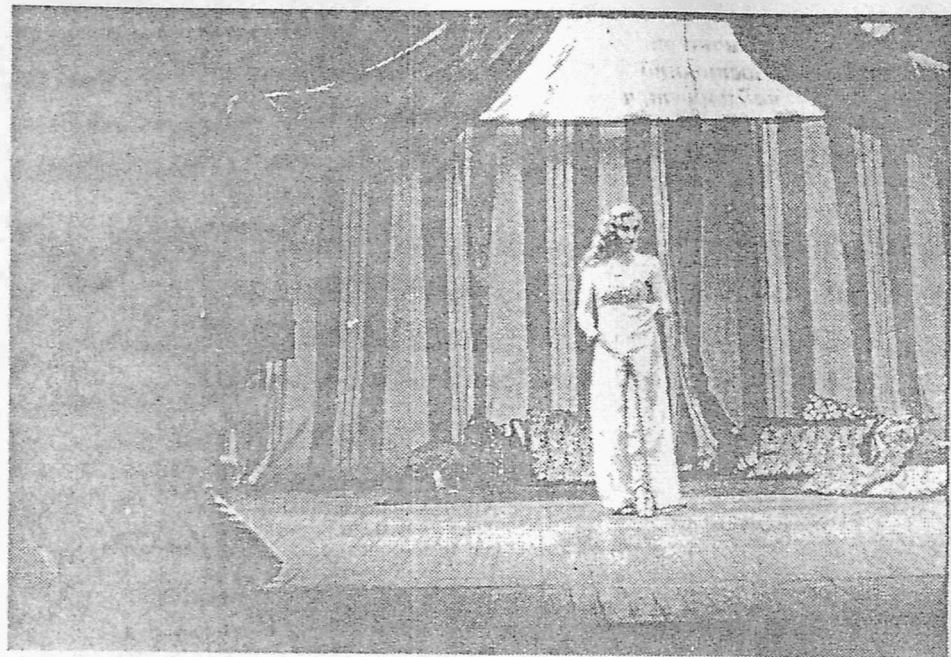
Три месяца французских оперных впечатлений. На чем остановиться особо? Стоит ли обобщать пеструю смесь стилей и уровней? Стоит ли пытаться найти закономерности в рисунке букета, где рядом с пышными хризантемами притулились скромные ромашки, где мелким незабудкам приходится волей-неволей пристраиваться рядом с крупными розами? Попробую, забыв систематизаторский азарт, ограничиться охапкой впечатлений.

Франция некогда была великой оперной державой вровень с Италией, а Париж являл собой пуп европейской оперы. Сегодня все это позади, даже самые крупные французские "лирические дома" не могут соперничать с лидерами оперного дела (хотя бы Ковент Гарденом) ни репертуаром, ни "звездностью", ни просто базовым уровнем. Нет ни одного театра, в котором, как в Венской Штатаеопер или Английской Национальной, играли бы каждый день весь сезон: оперные дни рассыпаны по музыкальному году Франции рябью огоньков, ярких или тусклых, но неизменно нечастых.

Вот небольшой, уютный театр в Авиньоне в двух шагах от знаменитого Папского дворца, где летом бушуют театральные фестивали. Здесь оперу дают наряду с драмой и балетом, концертами и опереттой. В нынешнем сезоне среди нескольких названий — "Сила судьбы" Верди, которую сработали несколько театров вместе "в целях получения высокого качества", — ее авиньонцы и жители окружающего оклюзского края увидели всего лишь два раза. И еще "Дон

добротного профессионализма, зато маэстро Франсуа-Ксавье Бильжо предложил плотного, жестковатого, насыщенного мистическими токами Моцарта. Сценически спектакли объединяла безукоризненная работа художников по свету (может быть, это вообще то главное, чем может сегодня хвастаться французская оперная сцена). Ликующе яркие шелковые занавесы, за которыми скрываются беглецы, и стены, становящиеся прозрачными, разворачивали в нужную символическую сторону блеклую режиссуру Бернара Брока в опере Верди, а лучи, режущие пространство на смысловые части, давали видимость триумфа смутным поискам Филиппа Сирия в "Дон Жуане".

Громадная Марсельская Опера, находящаяся в плотном кольце секс-шопов и увеселительных заведений (портовый город!), потчует своих зрителей одним оперным названием в месяц. Верди выпал на мою долю в виде "Набукко", Моцарт — "Похищения из серала", а французская оперная классика — в лице *opus mysticum*, "Пеллеаса и Мелизанды" Клода Дебюсси.

Французский оперный букет

шим. Вот и мне довелось услышать раритет — оперу "Добросердечный ворчун" Висенте Мартини-и-Солера на либретто не кого-нибудь, а Лоренцо да Понте. Увы, ни режиссура, ни музыкальное руководство не позволили в полной мере оценить достоинства этого венского шлягера; но в отдельные моменты, благодаря пению итальянок Глории Бандителли, Луиджи Петрони, Роберто де Кандиа и Умберто Кьюмо, каталонца Франсеска Гаррикосы, перуанца Эрнесто Паласио и особенно немки Эвы Кирхнер, возникало острое желание узнать получше творчество знаменитого испанца, этого бывшего соперника Моцарта, потому что случившиеся темные заводы и бурные водовороты оказывались ни на что не похожими.

Чувство разожженного любопытства возникло и в Ницце, на сей раз по отношению к оперному творчеству Гайдна. Его "Неожиданная встреча" брала не драматическими передышками, но невероятными музыкальными достоинствами. Китайский дирижер Лонь Ю, нынешний генералмузикадиректор Пекинской Оперы, проявлял классическую ясность музыкантской мысли и полное отсутствие манерности в самых вычурных пассажах. Все певцы, как один, демонстрировали стилистическую состоятельность и актерскую смелость: действие перенесли в тридцатые годы, на ницкую киностудию "de la Victoire", и актерам приходилось играть то кинодеятелей того времени, то киноперсонажей из условного ориентального пространства. Но, как бы ни были хороши канад-

ка Ребекка Кейн и англичанка Луиз Уинтер, немец Вольфганг Раух и американец Уильям Берден, ярче всех сверкала Лора Клейкомб, которую публика (но не жюри) последнего конкурса Чайковского одарила своей безудержной любовью. Можно с уверенностью сказать, что московская публика не ошиблась: Лора вырывается из глаз в настоящую звезду. Сверкнув мететором в Женеве (срочный ввод в "Капулетти и Монтеки" Беллини), спел вместо Чечилин Гас-диа все спектакли "Золушка" Массене в Монте-Карло, Клейкомб идет победным шествием по Европе, и шквал овалов в Ницце — лишь малая часть ее сегодняшних лавров. Кто знает, не станет ли именно эта рыжая бестия той дивой,

которой ждет обещавшаяся грамотностью и профессионализмом оперная публика Запада? "Золушка" в Монте-Карло предлагала пению именно с такими свойствами. Прекрасная вокалистка, Соня Ганасси знала, что делать с партиями Анджелины, но блеск яркой индивидуальности не хватало. Здесь вырывались на передний план обладатели низких мужских голосов — бас Альфонсо Антониюцци и баритон Илья-брандо д'Арканджело, чья вокальная и артистическая талантливость просто била через край. К слову сказать, самый шикарный в мире оперный театр, творение Шарля Гарнье, произвел впечатление чрезмерной роскоши, хотя и оказался прекрасной оправой для естественного россиниевского музицирования.

Остается только обрисовать в этом букете парижские цветы.

Роскошной орхидеей останется в памяти образ Лакме, созданный Натали Дессей в скромном стилизаторском спектакле на сцене Опера Комик. Французское сопрано не щеголяет, в отличие от итальянок, своей виртуозностью, но с какой-то щемящей застенчивостью устремляется к россыпям верхних ли, порхает по ним, как мотылек по полям блаженных, а потом, как на диванчик, кошачьим клубком грациозно укладывается на уютные ферматы, где все мы забываем, что такое здесь и сейчас.

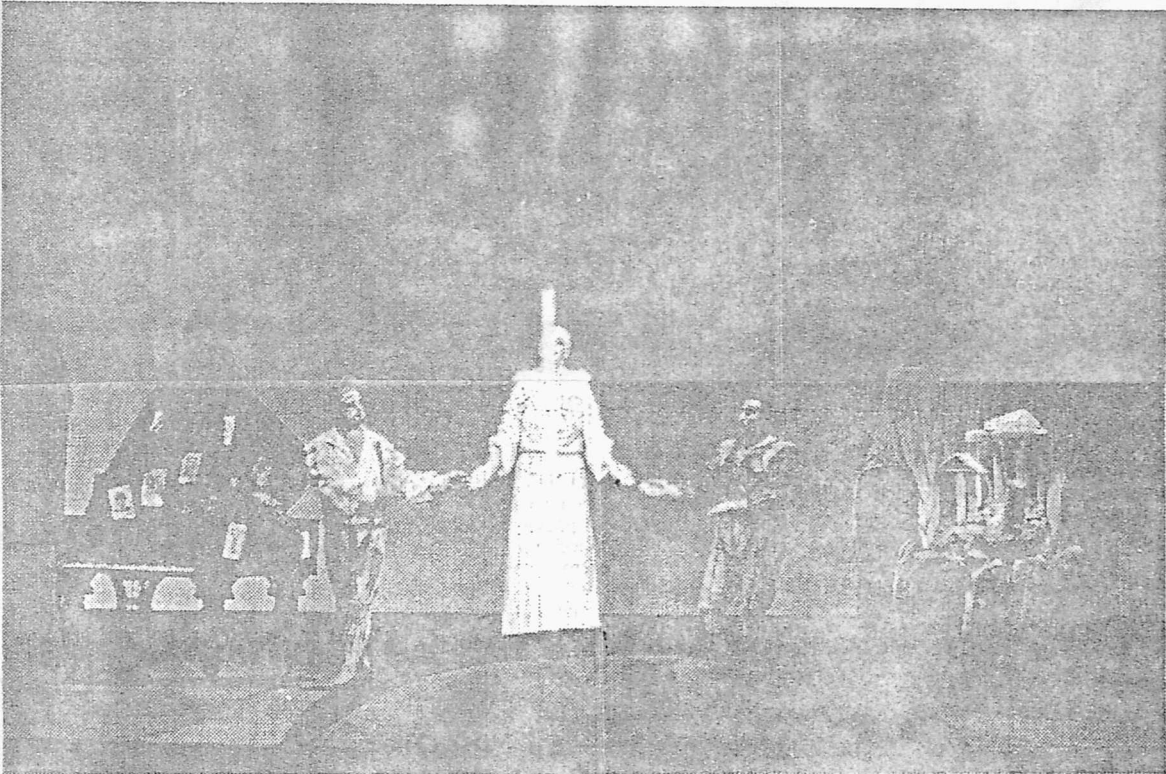
Недораспустившейся лилией является к нам Ифигения Элен Шейд в спектакле Опера Бастиль, подписанном экспериментатором Ахимом Фрайером. Вокальные цветы ее партнеров по суровой глюковской "Ифигении в Тавриде", тенора Кипа Лююиса и баритона Энтони Майкел-Мура, оказываются куда душистее и насыщеннее по цвету.

И вовсе скромной полевой ромашкой с сильно осыпавшимися лепестками предстает бывшая примадонна Рита Горр в спектакле "Меднум" на сцене Опера Комик. Всем, кто помнит знаменитый спектакль Александра Петрова с Ниной Романовой и Геннадием Судачковым в главных ролях, скромное зрелище Фавар вообще бы показалось унылой самодеятельностью. Но и без сравнений, без всяких точек отсчета принять домохозяйку, за душой у которой не было ни тяжелых переживаний, ни секретов певческого мастерства, за мадам Флору из оперы Менотти оказалось невозможно. Зато публика читла своего бывшего кумира, как водится, шквалом аплодисментов...

Обязую-ка я этот букет лентой. И пусть его будет выставка оперных и балетных костюмов на лестницах и в фойе Гранд Опера, где ушедшие боаре и короли, сифиды и половцы таят в себе не только счастливое прошлое, но, может быть, и великое будущее, нарождающееся как раз сегодня, когда в парижском Дворце Гарнье ремонтируют сцену.

Алексей ПАРИН
Арль — Париж — Москва

На снимках:
"Неожиданная встреча" в Ницце, "Ифигения в Авлиде" в Париже и "Дон Жуан" в Авиньоне.

Жуан", позаимствованный у Королевской Оперы Валлонии.

В шедевре Моцарта пальму первенства тоже захватили женщины. Исландка Сола Брага с первого звука, с первого жеста бросила публике свою страстную, романтическую Анну на любовь и растерзание. Эта женщина с темным, глубоким голосом и ясными верхними нотами безоглядно отдавалась своему соблазнителю, по поводу чего не оставалось никакого сомнения. Вся драма Анны двигалась от палящего греха счастья к иссушающей головной добродетели, и ее душа остывала у нас на глазах, лишь временами давая грозные всплески. Эльвира-стерва в исполнении нервной и резковатой Мариэтт Кеммер и Церлина-фифа в интерпретации хорощенькой и церемонной Софи Кох создавали на сцене прозрачную среду эротки на все вкусы.

Севильский супермен из Индианы Ричард Коуэн был энергичен, голосист и страшен. Страшен физически: его голос солидной грани, лицо грубой лепки и тело простецкого отеса двигались на зал утрашающим камнем гостем. Вровень с ним, как духовный антипод, вставал Командор поляка Войтеха Смилека, чья задушевная славянская мягкость оказывалась благородной альтернативой всекой упакованности индианца.

Музыкальные уровни спектаклей были не равноценны: дирижер "Силы судьбы" Сирль Дидерик не вырывался за рамки

Первые два спектакля не заслуживают упоминания, поскольку лишь раздражили бурными восторгами публики в адрес весьма сомнительных вокальных достижений. Конечно, скупая и вымученная Констанца американки Кэтрин Кассело была добротнее Абигайл в так называемой интерпретации Линды Роарк-Струммер, чей голос в среднем регистре напоминал скобление алюминиевой ложкой по дну ржавой продырявленной кастрюли, а пронзительные *forte* — вой мартовских котов, но даже мягкое пение Лео Нуччи в роли вавилонского тирана и блестящая образность Курта Ридля в партии Осмина не снимали с обоих спектаклей прикуса амбициозной провинциальности.

Зато "Пеллеас" был в своем совершенстве просто неправдоподобен. Метерлинковский замок, полный ибсеновских привидений и населенный нинами зарсчными, маленькими эйольфами и женщинами с моря, переливался песнями блестящими павлиньими-перламутровыми красками модерна и манила неразгаданными недрами. В эпицентре драмы оказывалась душа Голо, высвеченная феноменальными вокальными даром и безупречным художественным вкусом Жозе Ван Даме. Кажется, без поронки, образцованной избалованной душой Голо, не было бы и ослепительных брызг от излетающего к небесам фонтана Мелизанды и Пеллеаса в исполнении молодых, но уже все умеющих Анн-Софи Шмидт и Дидье Анри. Король Аркель, патриарх старинного аристократического рода, несущий на своих плечах всю тяжесть и всю горечь многого знания, оказывался в исполнении патриарха французской оперы Габриэля Бакье комментатором событий, чье пение заключало смутную драму в оболочку ясного картезианского размышления. Звезда французской камерной музыки Натали Стуцман ставила свою статуйную, но драматически насыщенную Женевьеву на один уровень с этим крупным образом.

В Монпелье любят старинную музыку. И хотя программка этого года украшена эскизом Федоровского к "Хованшине" в честь гастролей Марининского, в отсутствие русских здесь все больше ударяют по векам очень давно прошед-

ка Ребекка Кейн и англичанка Луиз Уинтер, немец Вольфганг Раух и американец Уильям Берден, ярче всех сверкала Лора Клейкомб, которую публика (но не жюри) последнего конкурса Чайковского одарила своей безудержной любовью. Можно с уверенностью сказать, что московская публика не ошиблась: Лора вырывается из глаз в настоящую звезду. Сверкнув мететором в Женеве (срочный ввод в "Капулетти и Монтеки" Беллини), спел вместо Чечилин Гас-диа все спектакли "Золушка" Массене в Монте-Карло, Клейкомб идет победным шествием по Европе, и шквал овалов в Ницце — лишь малая часть ее сегодняшних лавров. Кто знает, не станет ли именно эта рыжая бестия той дивой,

1995, № 5